

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.3>

Безай Олег Васильевич

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЦЛАГЕРЕЙ В ХОДЕ ПОДАВЛЕНИЯ ТАМБОВСКОГО ВОССТАНИЯ 1920-1921 ГГ.

В статье дан анализ значения концентрационных лагерей в оккупационных мерах по подавлению крестьянского восстания 1920-1921 гг. на территории Тамбовской губернии. Созданием системы концлагерей, предназначенных для плененных и сдавшихся повстанцев, коммунистическая власть проводила политику террора в отношении населения мятежных районов. Полевые исправительные лагеря были использованы для содержания в них в качестве заложников членов "бандитских" семей, в том числе беременных женщин и малолетних детей. Свидетельством масштаба репрессий было число арестованных, которое превосходило количество мест в концлагерях губернии. Условия содержания в них усиливали карательный эффект.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/8/3.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(94) С. 18-22. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. **Гулгенов Ц. Б.** Женская спортивная борьба в вузе: учебное пособие. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского университета, 2017. 76 с.
6. **Интервью старшего тренера ГБУ РХ «СШОР им. В. И. Чаркова» Чучунова Владимира Гавриловича о развитии спортивной (вольной) борьбы в Республике Хакасия** [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--n1aeb2a.xn--p1ai/novosti/novosti-shkolyi/intervyu.html> (дата обращения: 04.07.2018).
7. **Миндиашвили Д. Г., Подливаев Б. А.** Вольная борьба: история, события, люди. М.: Советский спорт, 2007. 356 с.
8. **О физической культуре и спорте в Республике Хакасия** [Электронный ресурс]: закон Республики Хакасия от 08 ноября 2010 года № 102-ЗРХ. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/regional/74/1222232> (дата обращения: 04.07.2018).
9. **Реестр членов Общероссийской общественной организации «Федерация спортивной борьбы России» по состоянию на 05 октября 2016 г.** [Электронный ресурс]. URL: http://www.wrestrus.ru/region_all (дата обращения: 04.07.2018).
10. **Рыженко О. В.** Особенности развития женской борьбы в Красноярском крае [Электронный ресурс]: дисс. ... к. пед. н. Красноярск, 2000. URL: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-razvitiya-zhenskoi-volnoi-borby-v-krasnoyarskom-kraye> (дата обращения: 04.07.2018).
11. **Сагалеев А. С., Гулгенов Ц. Б.** Женская вольная борьба (управление подготовкой с учетом психофизических особенностей спортсменов). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 1996. 43 с.
12. **Султреков А.** Алып хыстар чолы / на хак. яз. Абакан: Отдел издательской деятельности «Роса» ХРИПКиПРО, 2000. 113 с.
13. **Устав Общероссийской общественной организации «Федерация спортивной борьбы России»** [Электронный ресурс]. М., 2013. URL: <http://www.wrestrus.ru/media/turnirs/blocks/2012/confa/ustav-final.pdf> (дата обращения: 04.07.2018).
14. **Федерация спортивной борьбы Республики Хакасия** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wrestrus.ru/federations/66> (дата обращения: 07.07.2018).
15. **Центры развития женской борьбы могут быть созданы в 10 регионах России** [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/sport/4713395> (дата обращения: 04.07.2018).

HISTORY OF WOMAN'S WRESTLING DEVELOPMENT IN KHAKASSIA IN THE 1990S – AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Artamonova Nadezhda Yakovlevna, Doctor in History, Professor

Domogashev Oleg Semenovich

Katanov Khakass State University, Abakan

lazar1918@yandex.ru; domogashev@yandex.ru

The article is devoted to the history of woman's wrestling in the Republic of Khakassia. The authors note that this topic is not sufficiently studied in the historiography of Khakassia and they identify the regularities of this sport development, present the creative path of the coaches, who contributed to the development of woman's wrestling in this region, and reveal the problems and achievements. The conclusion about the trends of the expansion of woman's wrestling in the republic, the need for further research within the framework of modern achievements in national history, and the development of the theoretical and methodological foundations of the problem is drawn.

Key words and phrases: history; historical research; woman's freestyle wrestling; Khakassia; The Republic of Khakassia; sportswomen; coach; sports achievements.

УДК 94(47).084.3

Дата поступления рукописи: 02.07.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.3>

В статье дан анализ значения концентрационных лагерей в оккупационных мерах по подавлению крестьянского восстания 1920-1921 гг. на территории Тамбовской губернии. Созданием системы концлагерей, предназначенных для плененных и сдавшихся повстанцев, коммунистическая власть проводила политику террора в отношении населения мятежных районов. Полевые исправительные лагеря были использованы для содержания в них в качестве заложников членов «бандитских» семей, в том числе беременных женщин и малолетних детей. Свидетельством масштаба репрессий было число арестованных, которое превосходило количество мест в концлагерях губернии. Условия содержания в них усиливали карательный эффект.

Ключевые слова и фразы: концентрационный лагерь; крестьянское восстание; повстанцы; оккупация; заложники; репрессии; малолетние дети; условия содержания.

Безай Олег Васильевич

Тамбовский государственный технический университет

obeza70@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЦЛАГЕРЕЙ В ХОДЕ ПОДАВЛЕНИЯ ТАМБОВСКОГО ВОССТАНИЯ 1920-1921 ГГ.

В условиях Гражданской войны с целью подавления сопротивления «врагов революции» коммунистическая власть использовала весь арсенал репрессивных мер, в т.ч. концентрационные лагеря. Тема советского

концлагеря в отечественной историографии изучена недостаточно, хотя в последние годы вышел ряд публикаций, посвященных этой проблеме [2; 3; 11-13; 18].

Цель статьи состоит в выяснении роли концлагерей в системе мер по подавлению крестьянского восстания 1920-1921 гг. на Тамбовщине, а также в анализе их значения в преследовании участников повстанческого движения и содержании членов их семей в качестве заложников. Источниковой основой работы послужили как опубликованные архивные материалы, так и документы, вводимые в научный оборот впервые.

С началом Гражданской войны у коммунистической власти возникла необходимость в создании мест заключения с целью изоляции своих политических противников. В апреле 1919 г. Президиум ВЦИК принял постановление об организации лагерей принудительных работ (концлагерей), а в мае одобрил проект инструкции о лагерях принудительных работ [14; 15]. Содержанию в них подлежали лица на основании постановлений губернских отделов управления, чрезвычайных комиссий, революционных трибуналов, народных судов и других советских органов. Таким образом, изначально концлагеря не входили в систему уголовно-исправительных учреждений, представляли собой организованную форму революционного насилия по отношению к противникам политического режима [3, с. 115-116]. Другой особенностью было то, что они могли создаваться при необходимости решением губернских властей без согласования с центром.

Заключение в исправительно-трудовые лагеря как мера борьбы с «социально-чуждыми элементами» активно использовалось губернскими властями еще до начала широкомасштабного крестьянского восстания. Так, из доклада коменданта Моршанского концлагеря следует, что на 16 октября 1920 г. в нем содержалось – 113 чел., женщин – 8 чел., из них осужденных на 1 месяц – 12, на два месяца – 5, на три месяца – 1, на шесть месяцев – 6, на один год – 8, на два с половиной года – 2, от трех до пяти лет – 5, от пяти до десяти лет – 3, заложников – 3, числящихся за комиссией красного террора, за следственным комитетом – 61, и до особого распоряжения – 15 чел. [1, с. 190]. В лагерях находились как осужденные, так и подследственные; лица, совершившие уголовные преступления наряду с людьми, подвергнутыми аресту в качестве административного наказания. Сроки содержания варьировались от одного месяца до десяти лет. Также практиковали условные сроки наказания: до окончания Гражданской войны или до ликвидации бандитизма.

Уже к концу 1920 г. стало очевидно, что возможности пенитенциарных учреждений губернии не были рассчитаны на такой наплыв выявленных «контрреволюционеров». Председатель губернской ЧК в докладе от 27 декабря 1920 г. признавал, что «в виду перегруженности арестованными в Тамбове следует просить ВЧК разрешить перебросить их часть, численностью до 3000 человек в другие губернии» [8, д. 196, л. 4].

Такое положение стало следствием использования концлагерей в качестве репрессивных мер в ходе борьбы с повстанческим движением или «эсеро-кулацким бандитизмом», как оценивал его коммунистический режим. С началом карательных действий в районах, охваченных повстанческим движением, заключение в концлагерь применялось как метод устрашения участников восстания и запугивания мирного населения. В циркулярном письме члена Реввоентрибунала Республики т. Ульриха от 22 января 1921 г. указывалось, что к участникам антоновских банд, захваченным без оружия и не отнесенным к лицам, подлежащим расстрелу, а равно полевым участникам, их пособникам и укрывателям, «применять заключение в лагерь принудительных работ на сроки от 6 месяцев до 6 лет» [7, д. 1030, л. 30].

Призыв центра к жесткости в борьбе с крестьянским движением был явно излишним, местные власти и так действовали со всей революционной решительностью. Свидетельством тому – приказ марта 1921 г., подписанный председателем губисполкома Лавровым и командующим войсками Тамбовской губернии Павловым. Им предписывалось «в случае повторных вспышек восстания все здоровое мужское население от 17 до 50 лет арестовывать и заключать в концентрационные лагеря» [1, с. 332]. Однако, несмотря на предпринимаемые властью усилия, восстание продолжало разрастаться, достигнув своего апогея к началу мая 1921 г.

С назначением на должность командующего всеми вооруженными силами Тамбовской губернии М. Н. Тухачевского борьба с повстанческим движением тамбовских крестьян вступила в решающую фазу. Наряду с военными операциями по уничтожению партизанских соединений важная роль отводилась карательным мероприятиям на оккупированной территории. Важную роль в этом М. Н. Тухачевский отводил концлагерям. В своем письме в ЦК РКП(б) от 20 мая 1921 г. он указывал, что «совместно с боевыми действиями необходимо создавать резкий перелом в настроении крестьянской среды. Для этого, прежде всего, надо ударить по хозяйственным интересам крестьянства. Для этого решено семьи бандитов сажать в концентрационные лагеря и в случае неявки бандита отправлять их вглубь РСФСР» [16, д. 1004, л. 3 – 3 об.].

При боевых участках были созданы следственные «тройки» в составе начальника особого отдела, председателя ревтрибунала и заведующего политбюро, которым надлежало оперативно решать участь участников партизанских отрядов. В данной им инструкции говорилось о том, что «всех добровольно явившихся с оружием бандитов не расстреливать, а заключать в местный лагерь до ликвидации банд Антонова» [1, с. 368]. К заключению «в концлагеря вне пределов губернии сроком от года до пяти лет» надлежало приговаривать «рядовых бандитов, участников местных банд, лиц, оказывающих помощь и косвенное содействие бандам» [Там же].

Для осуществления намеченных мер вместимости существующих в губернии концлагерей явно не хватало, поэтому для приема ожидаемого наплыва заключенных было принято решение о создании полевых концентрационных лагерей. Согласно приказу № 257 губернского военкомата от 12 мая 1921 г., войсковым частям и уездным военкоматам надлежало в недельный срок открыть приемные пункты для содержания бандитов, их семейств и заложников: в г. Тамбове – вместимостью на 4000 заключенных и с. Сампуре – 1500;

г. Кирсанове – 3000 и в с. Инжавино – 500; Козловском уезде – 2000; Борисоглебском – 3000 и Моршанском – на 2000 [8, д. 304, т. 2, л. 753 – 753 об.].

К началу лета 1921 г. в губернии были организованы семь полевых концлагерей для временного содержания в них лиц, осужденных за бандитизм и дезертирство, а также размещения в них заложников. Осужденные за бандитизм, по мере накопления значительных партий, пересылались эшелонами в постоянные лагеря других губерний, а заложники же после двухнедельного пребывания освобождались при условии добровольной явки бандита, за которого они были взяты [9, д. 700, л. 34 об.].

В ходе проведения оккупационных мероприятий перечень лиц, подвергавшихся заключению в концлагерь, постоянно расширялся. С целью подавления крестьянского восстания губернские власти широко практиковали взятие в качестве заложников семей, члены которых находились в повстанческих отрядах. Таким образом, расширению сети концлагерей в губернии способствовал институт заложников.

В развитие «драконовских мер» печально известного приказа № 130 от 12 мая 1921 г. этим же днем Полномочной комиссией ВЦИК были обнародованы правила взятия заложников. В п. 3 говорилось, что «семья уклонившегося от явки определенного бандита подлежит аресту и заключению в концлагерь» [1, с. 362]. А в п. 5 приказа разъяснялось, что «подвергнутая аресту семья бандита содержится в концентрационном лагере в течение двух недель, в какой срок бандит, член этой семьи, обязан явиться с оружием в Штаб Красной Армии» [Там же]. По истечении двухнедельного срока в случае неявки бандита его семейство высылалось из Тамбовской губернии вглубь России на принудительные работы [Там же]. Только в Борисоглебском трудовом концентрационном лагере из 502 чел., поступивших в период с 15 марта по 15 сентября 1921 г., 301 отправлен в другие лагеря Республики [10, д. 1, л. 464].

Впечатляют масштабы репрессий, осуществленных в мятежных районах. Так, за две недели с 15 по 27 июня 1921 г., по сведениям особого отдела боевого участка № 2, через «тройку» прошло 165 чел., из которых 49 чел. было расстреляно. В качестве заложников было взято 116 семей общей численностью в 1254 чел. Только в Сампурском концлагере по состоянию на 25 июня 1921 г. содержалось 1407 бандитов и 1586 заложников [Там же, д. 30, л. 42, 43, 77]. В Кирсановском концентрационном полевом лагере № 8 1-го боевого участка находилось на 21 июня 1921 г. 1013 чел., из них заложников семей бандитов и родственников – 318 чел. Бандитов, осужденных от 1 до 5 лет, – 75 чел., еще 70 были приговорены «до ликвидации бандитизма», из них подлежало высылке 27, содержалось в лагере – 43 [1, с. 419]. При общей вместимости концлагерей Тамбовской губернии в 13500 человек в них на 20 июня 1921 г. поступило 6000 заключенных, еще 3000 чел. было отправлено в лагеря других губерний [9, д. 700, л. 35].

К середине лета 1921 г. в результате активных действий оккупационных частей Красной Армии концлагеря губернии оказались переполнены. Так, по данным на 5 июля 1921 г., в Кирсанове содержалось 2409 заключенных [17, д. 32, л. 17], в Борисоглебском концлагере находилось 1860 чел. [Там же, л. 19], на 5-м боевом участке в Инжавино числилось 771 чел. [Там же, л. 20]. В Козловском концлагере, построенном в расчете на содержание 2000 чел., по стоянию на 31 июля 1921 г. находилось 2530 заключенных [Там же, л. 58]. Военком Богоявленский в телеграмме от 31 июля 1921 г. сообщал, что в «Сампурском концлагере, построенном на 1500 чел. и могущем вместить 2000 чел., содержится в настоящее время 4194 чел.» [Там же, л. 56]. В Тамбове на 1 августа 1921 г. содержалось заключенных в постоянном концлагере 1249 чел., при том, что он был рассчитан на 450 чел. [Там же, л. 84]. Всего, по сведениям на 1 августа 1921 г., в 10 концлагерях губернии, рассчитанных на содержание 12680 чел., находилось 14612 чел. [Там же, л. 68]. В Москву, в Центральный карательный отдел, из Тамбова 11 июля 1921 г. была направлена телеграмма следующего содержания: «Переполнение мест лишения свободы в Тамбовской губернии дошло до последних пределов. Отсутствие продовольствия, а также развивающаяся эпидемия холеры, создают катастрофическое положение» [5, д. 55, л. 86]. По данным медицинского отчета от 17 октября 1921 г. Сампурского концлагеря № 10, из 141 умершего 65 человек скончалось от холеры [9, д. 705, л. 20].

Об условиях содержания заключенных в концлагере можно судить на основе акта обследования Борисоглебского концлагеря, осуществленного 19 ноября 1921 г. Приведем выдержки из его содержания. «В бараках холодно и темно, везде грязь. Бараки не отапливаются, заключенные жалуются на страшный холод... Постельных принадлежностей и мыла в лагере нет, все спят не раздеваясь на голых нарах. Заключенные не стрижены, многие из них ходят в рваном белье, без обуви. У всех масса полотняных и головных вшей. В бане заключенные были один раз с августа 1921 г. Кипяток заключенные получают не каждый день. Бросается в глаза истощение многих заключенных. Все указывают на очень малое количество получаемой пищи... Арестованные получают хлеба и картофеля по ¼ фунта того и другого не более двух-трех раз в неделю... В женском отделении 162 человека, нар нет, спят на полу. Среди заключенных имеются подростки и грудные дети. В бане не были ни разу, вшей много. Уборной нет, для этой цели пользуются сараем» [8, д. 197, л. 593, 596].

Схожей ситуация с положением заключенных была и в других концлагерях губернии. Так, в акте от 1 октября 1921 г. обследования Лебедянского концентрационного лагеря, находящегося в г. Козлов, читаем, что «арестованные женщины содержатся в бараке совместно с мужчинами; гигиеническое состояние ввиду переполнения барака находится в самых худших условиях» [4, д. 51, л. 98].

Отсутствие в таких временных лагерях необходимых санитарно-гигиенических условий, а следовательно, и карантинных мероприятий, перед отправкой партий заключенных становилось причиной распространения заразных заболеваний, прежде всего сыпного тифа. Из Главного управления принудительных работ сообщением от 20 ноября 1921 г. уполномоченному ВЦИК по борьбе с бандитизмом доносили, что «из заключенных,

прибывших в Новгород, больных тифом 146 чел., в Екатеринбург из губернии прибыло 374 тифозных больных. Аналогичные сообщения приходили из Петрограда, Твери, Иваново-Вознесенска» [8, д. 197, л. 597].

Не только наличие тифозных больных в партиях заключенных, но и сами операции по их отправке в лагерь постоянного пребывания становились очередным испытанием на выживание. Начальник особого отделения 15-й Сибкавдивизии т. Кокарев 10 октября 1921 г. со ст. Борисоглебск телеграфировал начальнику особого отдела Тамбовского ЧК т. Чибисову: «Состоит к отправке давно 1300 человек. За отсутствием вагонов высылка задерживается, наряды и вагоны требовали по несколько раз. Ввиду холодного времени, отсутствия продовольствия и правильного отопления люди умирают по 10-12 человек в день» [Там же, л. 598].

Карательные меры, осуществляемые оккупационными частями в мятежных районах, применялись ко всему населению вне зависимости от пола и возраста. В качестве заложников брали не только взрослых членов семьи, но и детей. По состоянию на 7 июня 1921 г., в детские приемники было принято детей из бандитских семей 853 человека, из них детей дошкольного возраста – 313 чел. [10, д. 1, л. 157]. По сообщению зав. губернским управлением принудительных работ В. Г. Белугина от 22 июня 1921 г., «в лагеря поступает большое количество детей, начиная с самого раннего возраста, даже грудные» [9, д. 700, л. 34]. Так, в партии заложников, прибывшей в Сампурский концлагерь 12 июля 1921 г., из 147 чел. было детей в возрасте до 16 лет – 60, среди них – трех- и шестимесячные младенцы [Там же, д. 699, л. 69]. В 10 концлагерях Тамбовской губернии, по данным на 1 августа 1921 г., содержалось 1155 детей, из них до 3 лет – 397, до 5 лет – 758 [17, д. 32, л. 68].

Об остроте ситуации свидетельствует решение заседания комиссии по делам о содержании детей заложников в концентрационных лагерях, состоявшееся 27 июня 1921 г. В ходе ее работы было признано, что результатом «большого наплыва в концентрационные полевые лагеря малолетних, начиная с грудных детей, и непригодности этих лагерей к длительному содержанию детей, стали заболевания желудочного и простудного характера». Было принято решение «детей заложников до 15-летнего возраста включительно содержать отдельно от взрослых, отнюдь не в палатках, а в особых помещениях жилых домов или бараках. В крайних случаях дети могут содержаться в прилегающих к лагерю строениям, обязательно охраняемых стражей» [10, д. 1, л. 464]. И дальше шло примечание, которое просто умиляет своей «гуманностью». «При детях-заложниках до 3-летнего возраста имеют право находиться их матери-заложницы» [Там же].

Вместимости исправительных лагерей явно не хватало, и они были переполнены. С целью разгрузки лагерей от «нетрудоспособных элементов» на места Полномочной комиссией ВЦИК 30 июля 1921 г. было направлено распоряжение. В нем предписывалось «впредь с особой осторожностью относиться к аресту в качестве заложников нетрудоспособных, особенно беременных женщин и матерей с малолетними детьми» [6, д. 475, л. 42].

Вопреки требованиям об отправке детей из семей заложников в детские приемники они продолжали содержаться в концлагерях вместе с взрослыми. Из доклада коменданта Моршанского концентрационного трудового лагеря № 5 от 27 сентября 1921 г. следует, что «в отделении концлагеря содержатся бандиты, заложники, всего 141 человек, из них 89 мужчин, 15 женщин и 37 детей. Детей до года – 8, от года до пяти – 10, остальных возрастов – 19 человек» [9, д. 702, л. 403]. Далее автор доклада признавал, что «в камерах душно, дети бледны и истощены. Прогулок нет... Положение заключенных ужасно, тяжелое, кормящих матерей и детей особенно» [Там же]. Таким образом, репрессиям коммунистическая власть подвергала не только участников восстания, но членов их семей, в том числе и детей.

Концлагеря были использованы коммунистической властью как средство борьбы с крестьянским восстанием. Они были созданы для временной изоляции участников «банд», задержанных или добровольно сдавшихся в руки властей. В качестве заложников в концентрационных лагерях находились семьи партизан с целью побудить комбатантов сложить оружие. Условия содержания в исправительных лагерях ставили заключенных в них на грань физического выживания.

Список источников

1. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920-1921 гг.: документы, материалы, воспоминания / Государственный архив Тамбовской области и др. Тамбов: Управление культуры и архивного дела Тамбовской области, 2007. 800 с.
2. Белова И. Б. Концентрационные лагеря принудительных работ в советской России: 1919-1923 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38). Ч. 1. С. 32-37.
3. Бразевич С. С. Концентрационные лагеря как организованная форма политического насилия в послереволюционной России: историко-социологический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 4. С. 108-134.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1005. Оп. 1.
5. ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 3.
6. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-837. Оп. 1.
7. ГАСПИТО. Ф. 840. Оп. 1.
8. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1.
9. ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1.
10. ГАТО. Ф. Р-4049. Оп. 1.
11. Григоров А. А., Григоров А. И. Заключенные Рязанского губернского концлагеря РСФСР 1919-1923 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://genroge.ru/riazanskiy_konclager_1919-1923/riazanskiy_konclager_1919-1923_predislovie.htm (дата обращения: 15.05.2018).

12. Камардин И. Н. Лагеря принудительных работ в Поволжье в годы военного коммунизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (33). Ч. 1. С. 95-98.
13. Литвинов Н. Д., Потоцкий Н. К. Особенности создания и деятельности концентрационных лагерей в первые годы Советской власти // Государство и право. 2016. № 2. С. 87-93.
14. О лагерях принудительных работ: Инструкция Президиума ВЦИК от 12 мая 1919 г. // Декреты Советской власти. 1971. Т. 5. С. 174-180.
15. Об организации лагерей принудительных работ: Постановление Президиума ВЦИК от 11 апреля 1919 г. // Декреты Советской власти. 1971. Т. 5. С. 69-70.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 13.
17. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 235. Оп. 2.
18. Рылов В. Ю. Принудительный труд и концентрационные лагеря в Воронеже. 1919-1922 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://newzz.in.ua/main/1148864058-prinuditelnyj-trud-i-koncentracionnye-lagerya-v-voronezhe-1919-1922-gg.html> (дата обращения: 14.05.2018).

USE OF CONCENTRATION CAMPS DURING THE SUPPRESSION OF TAMBOV UPRISING OF 1920-1921

Bezai Oleg Vasil'evich
Tambov State Technical University
obezay70@mail.ru

The article provides the analysis of concentration camps significance in the occupation measures for the suppression of the peasant uprising of 1920-1921 within the territory of Tambov province. By creating the system of concentration camps for the captured and surrendered rebels, the Communist government pursued the policy of terror against the population of the rebel areas. The field correction camps were used to hold the members of "bandit" families, including pregnant women and young children, as hostages. The number of the arrested, which exceeded the number of places in the concentration camps of the province, was the evidence of the repression scale. The prison environment increased the punitive effect.

Key words and phrases: concentration camp; peasant uprising; rebels; occupation; hostages; repressions; young children; conditions of detention.

УДК 947.084.6(571.6)

Дата поступления рукописи: 02.07.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.4>

В статье на основе архивных документов исследуется процесс использования радио как средства политико-информационной борьбы между Японией и СССР в 1930-е гг. на Дальнем Востоке. Рассматриваются причины использования радио в военных целях, деятельность японо-манчжурских властей по постановке радиотрансляций на советский Дальний Восток. Характеризуется информационная составляющая политико-идеологической пропаганды, вещаемой на территорию СССР. Анализируются мероприятия по контрпропаганде и техническому предотвращению радиотрансляций с территории Манчжурии, определяются проблемы их использования.

Ключевые слова и фразы: радио; радиопередачи; Дальний Восток СССР; политико-информационная борьба; антисоветская агитация; глушение; НКВД; Манчжурия.

Исаев Александр Александрович, к.и.н., доцент
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
Alex.hist@mail.ru

РАДИОИНТЕРВЕНЦИЯ ЯПОНИИ КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИКО-ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НАСЕЛЕНИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1930-Е ГГ.

В 1930-е гг. радио уже не только активно вошло в жизнь человека как одно из средств массовой информации, но и стало одним из важных методов государственной политико-идеологической и информационной борьбы за умы населения своей страны, а также соседних. Информационное противоборство при помощи средств массовой информации, включая радио, являлось активным элементом внешнеполитической деятельности государств в 1930-е гг., которая выстраивалась в зависимости от состояния и развития международных отношений. К примеру, СССР осуществлял радиовещание на зарубежные страны только за период 1938-1939 гг. на десяти иностранных языках ежедневно в объеме 20 часов. В основу смыслового значения трансляций на иностранные государства была положена популяризация социальных и экономических достижений Советского Союза, освещения жизни страны, оперативного информирования слушателей по актуальным вопросам международного положения [4]. Однако СССР в данном политико-информационном воздействии